

Сюэ Дунтин нахмурилась. - Как мог старый Чжан просто выбросить её? Я обязательно расскажу об этом сестре Сюй!

Сон Юмин всё ещё улыбался, но про себя подумал: "Старина Чжан, я должен позволить тебе взять на себя всю ответственность. Ничего страшного, я делал то же самое для тебя много раз и принял на себя много вины перед твоей женой!"

Сюэ Дунтин всё ещё негодовала. Она указала на верхнюю одежду, которую он носил. - Это старого Чжана, верно? Не возвращай её ему!

Сон Юмин посмотрел на свою маленькую жену и кивнул, весь такой серьёзный. - Я её не верну, а отдам ему за что-то! - он повернулся, подошёл к шкафу и достал красную бумагу, которую они купили. - До Нового Года осталось всего три дня, давай напишем куплеты весеннего фестиваля.

Сюэ Дунтин посмотрела на красную бумагу и перестала спорить об одежде. - Давай подумаем о том, что нам следует написать.

- Нам нужны три куплета: один для ворот внутреннего двора, один для дверей главного зала и ещё один для кухни. Я придумаю те, что для ворот внутреннего двора и кухни, а ты придумай для дверей главного зала? Хорошо?

Сюэ Дунтин кивнула и задумалась, и вскоре у неё появилась идея. - Для главного зала давай напишем "две гармоничные цитры, может быть, их весна будет плодотворной; человек и небо в гармонии делают луну полной", а для горизонтального свитка мы можем написать "Всегда одного ума."

Сон Юмин помолчал, потом рассмеялся. - Хорошо, это хорошо.

- Мы только что поженились, так что это вполне подходит. Если тебе это не нравится, мы можем перейти на что-то другое.

-Всё, что ты придумываешь, мне нравится.

Сюэ Дунтин почувствовала тепло и пушистость внутри, когда он сказал это. - У тебя есть кисточка и чернила? - тихо спросила она.

- В ящике у кровати лежит большая кисть, а в шкафу должна быть чернильная палочка. Пойду проверю.

- Хорошо, я уберу со стола и разрежу бумагу.

Они торопились, неторопливо разрезали бумагу и растирали чернила, готовя всё необходимое. Сон Юмин обмакнул большую кисть, полную чернил, и протянул её Сюэ Дунтин. - Ты пишешь ту, что для дверей главного зала.

Она не была уверена в своих навыках каллиграфии и быстро отодвинула кисть. - Я этого не напишу... у меня плохая каллиграфия.

Сон Юмин подумал, что его жена просто скромничает. - Это не имеет значения, если оно написано тобой.

Она старалась изо всех сил сопротивляться, но в конце концов ей пришлось взять большую кисть и изо всех сил написать куплет, который она придумала, на красной бумаге.

Сон Юмин посмотрел на то, что она написала, и некоторое время молчал. Сюэ Дунтин робко спросила: - Плохо?

Сон Юмин скорчил гримасу и постарался не рассмеяться. - Не так уж плохо. Хорошо будет приклеить её рядом с дверью спальни... она отгонит злых духов.

Первая половина звучала хорошо для ушей Сюэ Дунтин, но она была раздражена на последней части. - Я сказала, что не хочу писать, но ты заставил меня это сделать, а теперь тебе ещё и не понравилось! Я не обращаю на тебя внимания, ты сделаешь это сам.

Сон Юмин быстро шагнул вперёд, чтобы преградить дорогу своей жене, смеясь. - Мне не не понравилось! Я просто не могу поверить, что это было написано тобой. У них есть определённая... э-э... привлекательная чистота. Это очень хорошо, очень хорошо!

Сюэ Дунтин хмыкнула. Конечно, она понимала, к чему он клонит. Она искоса посмотрела на него. - Твоя очередь, я хочу посмотреть, как хорошо ты пишешь!

Он взял кисть, развернул новый лист красной бумаги, закатал рукав, и кисть его энергично зашевелилась. Он писал "Три месяца весны дадут величие; реки и горы будут великолепны весь год". Каждый персонаж был сильным и отчетливым, полным незатронутой жизненной силы. Можно было видеть, с какой энергией он писал их.

Сюэ Дунтин внимательно изучила, и хотя она должна была восхищаться им, она действовала очень серьёзно, когда сказала: - Плохо, Плохо, что это... такое! Это даже не похоже на куплет весеннего фестиваля!